

С. Е. Федоров
А. И. Филюшкин

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛИЗМА

ИСТОРИЯ

УЧЕБНИК

НАЦИИ
ИМПЕРИЯ
ВОЖДЕСТВО
ЭТНОСЫ
НАЦИОНАЛИЗМ
ПЛЕМЯ
ЭТНОС И ЯЗЫК

НАЦИОНАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВО
ПРИМОРДИАЛИСТЫ И КОНСТРУКТИВИСТЫ
ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЭТНИЧНОСТЬ
ДИАСПОРЫ
ОБЩИНЫ
НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО
ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП
НАЦИОГЕНЕЗА
КОНЦЕПЦИИ
ФЕДЕРАЦИЯ И КОНФЕДЕРАЦИЯ
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАЦИЙ И НАЦИОНАЛИЗМА

Александр Филюшкин

**История и теория
наций и национализма**

«СПбГУ»

2016

УДК 930(075)
ББК 63.3я7

Филюшкин А. И.

История и теория наций и национализма /
А. И. Филюшкин — «СПбГУ», 2016

ISBN 978-5-288-05655-0

Учебник посвящен изучению процессов становления современных наций («нациестроительства»), национальных и националистических движений. Излагаются и обобщаются современные теории отечественной и зарубежной науки, от примордиализма до конструктивизма и инструментализма. Части 1–7 подготовлены докт. ист. наук, профессором А. И. Филюшкиным, часть 8 – докт. ист. наук, профессором С. Е. Федоровым. Учебник предназначен для студентов программ магистратуры «История и теория наций и проблемы национализма», а также может привлечь внимание всех, кто интересуется проблемами становления наций в мировой истории.

УДК 930(075)
ББК 63.3я7

ISBN 978-5-288-05655-0

© Филюшкин А. И., 2016
© СПбГУ, 2016

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
§ 1. Что такое идентичность?	9
§ 2. Идентичность и понятие этничности	13
Вопросы для самоконтроля	18
Глава 2	19
§ 1. Что такое этнос?	19
§ 2. Этнос и язык	23
§ 3. Происхождение этноса: спор примордиалистов и конструктивистов	26
§ 4. Этноты или нации? Дискуссии о домодерных (средневековых) нациях	30
Вопросы для самоконтроля	35
Глава 3	36
§ 1. Происхождение термина «нация»	36
§ 2. Отличия нации от этноса и этнических групп	38
§ 3. Концепции нации в научной литературе	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Федоров, Александр Филюшкин

История и теория наций и национализма: учебник

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор *Т.В.Кудрявцева* (РГПУ им. А.И.Герцена),

канд. ист. наук *А. А. Паламарчук* (С.-Петерб. гос. ун-т)

*Рекомендовано к печати Учебно-методической комиссией Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета*

Введение

Что и зачем мы изучаем, исследуя нации и национализм?

Как описать историю человечества? Что в ней является главным? Повседневная жизнь людей? История развития их сознания, менталитета? История социально-экономических отношений? История культуры? Политическая история? Биографии выдающихся деятелей, «творцов истории»?

Существуют два подхода. Один – выработать некую методологию, предложить «хирургический стол» и методику «препарирования прошлого». Другими словами, ученые разрабатывают теорию и затем применяют ее к прошлому. Например, они разрабатывают теорию революции и начинают искать в прошедших веках «революции рабов», «феодальные революции», «буржуазные революции», хотя очевидно, что большинство участников этих событий и не знало, что они «свершают революцию». Смысл данного подхода – выработать некий научный язык, объяснительную систему, теорию и перевести исторический материал на этот язык, выстроить хаотичные исторические факты в виде некоей системы с причинно-следственными связями.

Плюс данного подхода: история обретает смысл, ее можно истолковать и понять, дать научное объяснение событиям прошлого. Минус: в исторической науке затруднена процедура верификации – проверки научного знания на достоверность. В естественных и точных науках главным инструментом проверки выступают эксперимент и практическое применение (которые показывают, «работает» или «не работает» теория). Теория проверяется практикой. В истории эксперимент и практическая проверка в большинстве случаев просто невозможны (нельзя заново разыграть Куликовскую битву). Отсюда – степень достоверности исторических теорий устанавливается не без затруднений. Многие теории находятся под сильным влиянием презентизма – концепций, объясняющих прошлое с современных точек зрения, исходя из современных политических и экономических воззрений. Их авторы ищут в прошлом революции, реформы, политические партии и другие феномены Нового и новейшего времени, которые нельзя найти, скажем, в Античности и Средневековье. В таких случаях получаются красивые объяснения и великолепные исторические описания, имеющие с действительностью мало общего.

Другой подход – попытаться вывести историю прошлого из самого прошлого, т. е. воспроизвести систему мышления и восприятия мира ушедших поколений, попытаться понять, что ими двигало, как они объясняли мотивы своих действий, как понимали окружающий мир и происходящие события. Плюс этого подхода в том, что он меньше препарирует и конструирует прошлое, в меньшей мере навязывает ему свои, современные смыслы. Историк стоит на твердой базе исторического источника, и с этой точки зрения его исследования более объективны, полнее реконструируют прошлое. Минус этого подхода в том, что с его помощью изучается в основном рефлексия истории в сознании ее творцов, исторических личностей, авторов исторических источников. Но насколько эта рефлексия помогает понять исторический процесс, его скрытые пружины, сам ход истории и ее причинно-следственные связи? Ведь то, что «так думали современники», вовсе не означает, что они думали объективно и поняли происходившее с ними. Достаточно сравнить воспоминания современников, воевавших по разные стороны баррикад (например, представителей красного и белого движения в России в начале XX в., в частности, мемуары солдат и офицеров армий, сражавшихся друг с другом). При этом подходе мы можем описать рефлексии, представления, менталитет, но откроет ли это нам путь к пониманию сущности исторического процесса?

Эти противоречия в полной мере проявляются применительно к предмету, который сегодня получил название «истории наций», «этнической истории», «истории национализма» и т. д. С одной стороны, несомненно объединение людей с древнейших времен в некие сообщества, которые получали свои названия, «имена», и принадлежавшие к ним люди считали себя «одной крови» с соплеменниками, родными по происхождению, близкими если не биологически, то духовно. Имена этих сообществ были принципиальным элементом социальной и культурной идентичности людей («я эллин», «я француз» и т. д.). На основе этих идентичностей и их взаимодействия создавались и разрушались государства, от небольших национальных до великих мировых империй, возникали и уничтожались величайшие культурные достижения человечества. Во имя нации умирали («За Родину!») и убивали других (печально известные этнические чистки, в том числе трагедия Холокоста). Одним словом, роль этнического и национального фактора в истории человечества несомненна и первостепенна. С другой стороны, до сих пор нет четкого понимания, что же такое этничность, этническая или национальная идентичность, как соотносятся понятия народа и нации, что такое национализм и т. д. Причем общепринятых объяснений нет ни на уровне социокультурных представлений общества о себе самом, ни в научной среде.

Здесь также выделяются два подхода. Первый – создать теорию, концепцию этногенеза, этноса, нации, нациестроительства и затем применить данную теорию к историческому материалу. Про этот процесс очень точно сказал немецкий историк Райнхарт Козеллек: «В самое последнее время под названием “этногенез” стало появляться нечто вроде теории минувших трех тысячелетий, а рамках которой с помощью эмпирико-генетического подхода делается попытка анализировать возникновение, изменение и перемещение тех активных коллективов, которые сегодня называются “народом” или “нацией”, а в целях объективации к ним применяется научный термин “этнос”. Продолжая начатое “психологией народов”, “народоведением” и языкознанием, этнология и этносоциология идут дальше, проводя общий и сравнительный анализ вариантов конституирования наций или народов и масс»¹.

Второй подход – изучение конкретных историй этногенеза, нациестроительства, национализма. Но здесь историку работать очень сложно, потому что вопросы происхождения и родства – та сфера, где очень трудно быть объективным (попробуйте беспристрастно рассказать о своих родственниках). Чтобы изучать этническую общность, историк должен как бы вынести себя за скобки этой общности. Об этом точно сказал М. Биллинг: «Чтобы осуществить такое вынесение за скобки, нам необходимо дистанцироваться от себя самих и от того, что мы обычно считаем очевидным или “естественным”. При рассмотрении национализма как идеологии, оказывающей глубокое влияние на современное сознание – и “наше”, и “их”, – все очевидное должно быть поставлено под сомнение. Идеологии – это образцы верований и действий, которые заставляют казаться существующее социальное устройство “естественным” или неизбежным... Чтобы понять эту часть нас самих, нам необходимо попытаться отойти от наших обыденных представлений. Нас не может удовлетворить “естественность” того, что люди, говорящие на одном языке, должны стремиться к созданию национальных объединений. И дело не в опытном испытании веры с целью выяснения ее обоснованности. Аналитик идеологии должен задаться вопросом, откуда эта вера – наша вера – берется и каково ее содержание. Нам необходимо поставить под сомнение – или вынести за идеологические скобки – сами понятия, которые кажутся незыблемыми и которые позволяют нам понимать содержание ежедневных новостей, в том числе такие понятия, как “нация” и даже “язык”. При анализе национализма эти понятия нельзя использовать некри-

¹ Козеллек Р. Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий. Т. 2. М., 2014. С. 324.

тически, потому что они не занимают внешнего положения по отношению к теме, которая должна быть проанализирована»².

Помимо чисто психологической трудности для ученого вынести себя за скобки нации, к которой он принадлежит, заметим, что это действие несет в себе и угрозу научному поиску. Сможет ли ученый правильно понимать и постигать нацию, из которой вынес себя «за скобки»? Не утратит ли он при этом источник адекватной информации? Не получится ли его изучение «извне» слишком наивным, а его самого представители данной нации сочтут «ничего не понявшим» в «нашем менталитете»?

Как видно даже из этой сугубо предварительной постановки нескольких исследовательских проблем, которых на самом деле гораздо больше, проблемы изучения истории этносов, наций, национализма относятся к числу фундаментальных проблем наук о человеке, причем таких, которые пока далеки от своего решения. Но актуальность и необходимость их изучения несомненны. Об этом буквально «кричит» вся история человечества, и этого требуют наши надежды на будущее, поскольку настоящее является «веком национализмов».

Вместе с тем если в науке изучение данной сферы имеет большую и подробно разработанную традицию, то в преподавании гуманитарных дисциплин в России тема «Этносы, нации и национализм» была представлена гораздо слабее, в основном в курсах этнографии и конфликтологии. С 2009 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета для студентов, специализирующихся по кафедре истории славянских и балканских стран (зав. кафедрой профессор А. И. Филюшкин), читался курс «История и теория наций и национализма» применительно к славяно-балканскому региону, дававшему нам много примеров конструирования наций и националистических движений. В 2015 г., после объединения с научно-исследовательским проектом кафедры истории Средних веков СПбГУ «Historia nationem gignit» (руководитель профессор С. Е. Федоров), в Институте истории СПбГУ была открыта магистерская программа «История и теория наций и проблемы национализма», в рамках которой студенты изучают историю этносов, наций и национализма на материале Западной Европы, Центрально-Восточной Европы и постсоветского пространства, в том числе России.

Данный учебник – первая попытка учебного издания по этой проблематике для студентов магистратуры.

² Биллиг М. Нации и языки // Логос. 1995. № 4 (49). С. 62.

Глава 1

Идентичность и этничность

§ 1. Что такое идентичность?

Идентичность (от англ. identity) – устойчивое представление о принадлежности индивидуума к определенной социальной (культурной, национальной, реальной или воображаемой) общности, которое определяет его систему ценностей, социокультурные ориентиры и предпочтения, мотивацию поведения, представления о «чужих» и «своих».

По определению французского социолога А.Турена, «идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта». При этом самоопределении происходит идентификация – «процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей»³. Идентичность и идентификацию следует различать. Идентичность – это осознаваемое индивидом отождествление личности с определенным набором категорий и ценностей, а *идентификация* – процесс выявления и определения принадлежности к этим категориям и ценностям.

В гуманитарные и политологические науки термин «идентичность» пришел в 1960-е годы из психологии (исследований З. Фрейда), где под ней понимается свойство человеческой психики. Оно проявляется в том, что человеку важно определить свое место в системе социальных координат, определить, к какой социальной, национальной, культурной, религиозной и т. д. общности он относится, какое место в ней занимает, и в соответствии с этим выбрать определенную модель поведения, придерживаться определенной системы ценностей и мотиваций. Как известно, формирование человеческой личности идет через понимание своего отличия от других, в процессе которого возникает представление о своей самости, своем Я («Я не такой, как Он, Она, Они. Я от них отличаюсь тем-то и тем-то»). Это и есть идентичность, понимаемая человеком как самоидентичность. Базовыми в этом процессе являются устойчивые представления о «чужих» (те, на кого я не похож) и «своих» (на кого я похож).

Э. Эриксон определял идентичность как процесс, «находящийся в центре самого индивидуума, так же как и в центре его общественной культуры, процесс, который раскрывает идентичность этих двух идентичностей»⁴. То есть здесь ключевым понятием выступает связь индивидуума с культурой сообщества, которую он принимает или отвергает. По замечанию И. В. Кондакова, «Эриксон определяет идентичность как чувство органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данной эпохе. Идентичность личности предполагает, следовательно, гармонию присущих ей идей, образов, ценностей и поступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека. По Эриксону, обладать идентичностью значит ощущать себя неизменным независимо от ситуации; ощущать связь собственной непрерывности и признания этой непрерывности другими людьми; воспринимать прошлое, настоящее и будущее как единое целое»⁵.

³ Цит. по: Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху. Культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М., 2011. С. 39.

⁴ Цит. по: Брубейкер Р, Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 65.

⁵ Кондаков И.В., Соколов КБ., Хренов Н.А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху... С. 36–37.

С. Холл писал: «Я использую термин “идентичность” для обозначения места пересечения, с одной стороны, дискурсов и практик, пытающихся “интерпеллировать”, определять нас как социальных субъектов определенных дискурсов, и, с другой стороны, процессов, конструирующих субъективность, которые создают нас как темы, на которые можно “говорить”. Идентичности, таким образом, являются областями временной ассоциации с позициями субъектов, которых дискурсивная практика создает для нас»⁶. Следует подчеркнуть, что идентичность не единична. Всегда существуют множественные идентичности одного и того же индивида, иногда пересекающиеся, а иногда даже противоположенные друг другу. Вместе они образуют очень сложную ткань самосознания индивида.

Идентичность всегда носит не объективный, а субъективный характер. Это дискурсивная интерпретация места человека в окружающем социальном и культурном мире. К. Леви-Стросс характеризовал идентичность как «нечто вроде виртуального центра, к которому необходимо обращаться, чтобы объяснить некоторые вопросы, но в реальности не существующего». То есть идентичность – это всегда воображаемый конструкт.

Р. Брубейкер и Ф. Купер предлагают несколько ключевых значений термина, когда:

1) идентичность понимается как фундамент, или базис, социальной или политической активности, как неинструментальный способ социальной и политической практики; в данном случае индивидуальная идентичность противопоставляется гипотетическому универсальному социальному интересу;

2) идентичность понимается как фундаментальное и последовательное тождество между членами одной группы или категории; это тождество находит выражение в солидарности, общем самосознании, коллективных действиях;

3) идентичность понимается как ядро индивидуального или коллективного Я и используется, чтобы указать на нечто глубинное, основательное, значимое или императивное;

4) идентичность понимается как продукт социальной или политической активности; через нее определяются содержание и вид коллективного самопонимания, солидарности или групповой сплоченности, которые делают возможным любое коллективное действие (к которым идентичность побуждает);

5) идентичность понимается как продукт взаимодействия разнообразных дискурсов; этим подчеркивается нестабильная, многогранная, изменчивая и разрозненная природа современного Я⁷.

Таким образом, делают вывод Р. Брубейкер и Ф. Купер:

«1. Идентичность либо есть у всех, либо каждый должен стремиться ее приобрести.

2. Идентичность есть или должна быть у представителей всех групп населения (по крайней мере, определенных групп – этнических, расовых или национальных).

3. Идентичность может быть неосознанной...

4. Сильные понятия коллективной идентичности подразумевают прочную связь между членами группы и ее однородность... значительные различия с не-членами, четкую границу между “своими” и “чужими”»⁸.

Учеными предлагаются различные классификации идентичностей. Их делят на *естественные* (возникающие само собой и не требующие организованной работы по их поддержанию) и *искусственные*. Первые – это идентичности *расовые, природные, географические, аскриптивные* (возраст, пол, кровное родство и др.) и т. д. Другая категория – *искусственные* идентичности (которые придумываются и специально поддерживаются), это идентичности *национальные, профессиональные, социальные, цивилизационные, культурных групп, поли-*

⁶ Цит. по: Брубейкер Р, Купер Ф. За пределами «идентичности». С. 78.

⁷ Там же. С. 73–76.

⁸ Там же. С. 79.

тические, экономические и т. д. Некоторые идентичности являются *смешанными*, например, гендерные, в них объединены естественные (пол) и искусственные (социальное значение половой принадлежности) идентичности. То же можно сказать об *этнической* идентичности, поскольку в понятии «этнос» также присутствуют и естественные, и социокультурные компоненты.

Также можно говорить об *экзоидентичностях* (внешних, которые присваиваются индивиду извне, например, этностереотипы, которые навязаны другими) и *эндоидентичностях* (самоидентичностях, вырабатываемых самостоятельно).

Идентичности также бывают *индивидуальными* и *групповыми* (коллективными). Первые вырабатываются индивидом самостоятельно, на основе его психофизических качеств, вторые – проекция и переработка в сознании индивида дискурсов и идей, приходящих извне. «Компонентами коллективной идентичности являются: общее историческое прошлое, историческая память, пространственно-временные концепты, групповая совесть, мифология, религиозные доктрины, общепринятые ритуалы, биосоциальный опыт, система общезначимых моделей-образцов, географическое местоположение и национальное ощущение пространства, преобладающие экономические модели, коллективные мнения, ощущения, предрассудки, семейные образцы, порочные и идеальные прототипы, отношение к чужим ценностям»⁹.

Идентичность тесно связана с *понятиями о «своих» и «чужих»*. После исследований Жана Пиаже считается, что формирование дихотомии «свой – чужой» есть свойство человеческой психики с младенческого возраста. «Свои» – это те, с кем у нас одинаковая идентичность. «Чужие» – наша противоположность, в них мы мысленно помещаем все качества, которые у нас отсутствуют, или хотели бы, чтобы они отсутствовали. То есть «чужой» – это Анти-Я (не путать с «другим», который просто иной, не похож на «своих», но не антагонистичен, не враждебен). Таким образом, идентичность может быть и негативной: «Мы» – «Не-они». Из психологии известен такой механизм формирования идентичности, как узнавание себя через узнавание другого, понимание себя через *необнаружение* в себе качеств, которые есть у «чужих».

В социальных, политических и исторических науках термин «идентичность» распространился в 1960-е годы в США. Переносу понятия идентичности в социологическую сферу способствовали социологическая теория ролей, теория референтных групп, теория социальных конструкций и так называемая социология символических интеракций. Большую роль также сыграли работы Э. Эриксона об эго-идентичности (понятие о цельности личности, которая сохраняется несмотря на все изменения жизненного контекста) и о «кризисе идентичности» (разрушение жизненных ориентиров, потеря человеком веры в свою социальную роль). Понятие этнической идентичности оказалось в фокусе внимания ученых после книги Г.Элпорта «Сущность предубеждения» (1954).

Распространение понятия идентичности в социально-политических науках в 1960-е годы происходило в контексте социальных волнений этого времени (немецкое студенческое движение в ФРГ и Западном Берлине, эмансипационные движения в США, выступления студенческих левых организаций во Франции и т. д.). Все они имели антиавторитарный идеологический окрас, выступали против «господства людей над людьми». Соответственно повышался интерес к индивидууму, к личности, факторам, ее формирующим, и т. п. Использование категории идентичности отвечало многим из насущных задач того времени.

Ф. Брубейкер и Ф. Купер приводят следующую характеристику использования термина в современных социальных науках: «Ясно, что термин “идентичность” пригоден для самого разнообразного использования. Его используют, чтобы подчеркнуть неинструментальную

⁹ Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху... С. 37–38.

модальность действия; чтобы привлечь внимание к самопониманию в противовес личному интересу; чтобы определить сходство между людьми или периодами; постигнуть предполагаемую суть, базисные аспекты Я; подвергнуть сомнению существование этих аспектов; подчеркнуть интерактивность процесса выработки солидарности и коллективного самопонимания; а также выявить раздробленность современного ощущения “себя”, показать, как Я, наспех собранное из клочков дискурса, по-разному активизируется в зависимости от обстоятельств и контекста».

Основная сложность при реконструировании идентичности – это то, что у индивида или общества не бывает одной идентичности. Как выразился Э.Хосбаум, «ментальные идентичности человека – это не ботинки, которые мы можем носить зараз только одну пару»⁸. При этом идентичности могут пересекаться, проникать одна в другую. В разных ситуациях бывают востребованы разные идентичности, а другие в этот момент «засыпают». Мир идентичностей настолько разнообразен, что здесь трудно предложить универсальный научный инструментарий. Ученые выделяют *диффузные идентичности*, т. е. проникающие друг в друга и дающие индивиду разные, иногда даже противоречивые императивы поведения. Можно говорить об *иерархии идентичностей*, *идентичностях разной степени интенсивности* и т. д.

Сегодня ученые рассуждают о «*кризисе идентичности*» для современного человека. Он теряет веру в свою социальную роль, не понимает своего места в мультикультурном глобальном мире. Рост национализма в какой-то степени является реакцией на глобализацию: люди внутренне протестуют против утраты традиционной, привычной национальной и культурной идентичности. С другой стороны, очевидно, что локальные формы идентичности (в том числе национальные) в их традиционном понимании плохо совместимы с информатизацией, развитием мира как глобального информационного пространства. Какие формы идентичности будут востребованы в будущем и к чему приведет «кризис идентичности» – покажет время.

§ 2. Идентичность и понятие этничности

Одной из форм идентичности выступает *этническая идентичность*, которую сближают с понятием *этничности*.

Под *этничностью* понимают *осознаваемое индивидом чувство принадлежности к той или иной этнической группе*¹⁰ в отличие от других людей, которое выражается в наборе определенных культурных признаков.

В. А. Тишков вслед за Ф. Бартом определяет этничность как «форму социальной организации культурных различий»¹¹. Ж. Девосе и Л. Романуччи-Росс дают следующее определение: «В конечном счете этничность есть социальная форма лояльности и экзистенциальное значение, проистекающее из человеческой потребности иметь преемственную принадлежность. Последнее есть дополнение к использованию этничности в ситуациях, когда определяется отличительность от других». Этничность является «коллективным чувством социальной принадлежности и высшей формой лояльности, связанной с родством и верой в общее происхождение»¹².

При этом мы пока не уточняем, как понимать этническую группу – как этнос, нацию и т. д. В данном случае это не столь важно, принципиальным при рассмотрении понятия этничности является сама постановка вопроса об определении идентичности через некие групповые этнические признаки, этногруппы.

Понятие этничности – переходное и носит скорее инструментальный, чем эвристический характер. Вокруг терминов, которыми ученые обозначают этнические общности, – *племя, народ, нация, этнос* и т. д., очень много споров. Сегодня в науке не существует консенсуса, что же под ними понимать, когда появляется та или иная общность, какими характеристиками она обладает. Чтобы не вести «вечный спор о терминах», и возникла категория этничности, как некое компромиссное понятие, обозначающее бесспорные вещи: 1) обладание индивидом чувством идентичности, связанным с принадлежностью к той или иной этнической общности (а это есть у всех); 2) существование таких общностей, созданных на основе характеристик, которые люди считают этническими.

При этом ученые по-разному объясняют саму потребность в возникновении этничности. Структуралисты считают этничность ответом на некий вызов, кризис в структурах или возникновение новых структур или изменений в окружающей социум среде. Ответом на вызов видится формирование новой этничности через принадлежность к этногруппе. По словам М. Ю. Барбашина, «этногруппы формируют плотные социальные трансрегиональные сети, поддерживая высокий уровень групповой солидарности, осуществляя мониторинг лояльности своих членов и снижая издержки на этносоциальную мобилизацию. Это так называемая “гедонистическая” концепция этничности (“этничность как дом”) как коллективного способа преодоления социальной отчужденности»¹³.

С концепцией «этничность как дом» тесно связана *теория этнического непотизма*, получившая развитие в трудах П. Ван ден Берга.

¹⁰ Лучшее определение группы дано Р. Брубейкером: «Под группой мы понимаем внутренне взаимодействующий, взаимно и сообща признающий, имеющий общую направленность, эффективно коммуницирующий ограниченный коллектив, который обладает чувством солидарности, корпоративной идентичностью и способностью к согласованному действию». – Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 32.

¹¹ Тишков В. А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 61.

¹² Цит. по: Там же. С. 102.

¹³ Барбашин М. Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов н/Д, 2013. С. 15.

Как показал М.Ю.Барбашин, в ее основе лежит идея, согласно которой «этническая солидарность, выживание этногруппы, степень проявления чувства этноидентичности, стремление к доминированию и этноцентризм существуют благодаря тому, что этническая группа представляет собой расширенную семью, обладающую большим набором общих черт: предки, культурное наследие, язык и т. п. Из-за так называемого “эффекта основателя” и повышенной частоты внутриллокальных браков коэффициент родства, усредненный по всей этнической группе как относительно замкнутой популяции, будет существенно выше среднего коэффициента родства между представителями разных этнических групп. Тем самым в этногруппе отношения родственного покровительства и сотрудничества, т. е. того, насколько члены этногруппы могут полагаться друг на друга, являются образцами поведения даже для тех людей, которые не являются между собой родственниками... Непотизм как биологическое инстинктивное предпочтение собственного вида или подгруппы, которое называется “инклюзивной пригодностью”, рассматривается социальными биологами как наиболее общая стратегия по максимизации шансов организма на выживание и как форма естественного отбора, которая сохраняет свое значение и в развитых обществах, где одни группы выживают и приумножают свои гены эффективнее, чем другие»¹⁴.

По словам Ф. Беккер, «современные этнологические концепции понимают культуры не как фиксированные и поддающиеся описанию единицы, а как переходные продукты принципиально незавершенных конструктивных процессов»¹⁵. «Если определять этничность через широко употребляемые центральные понятия “культуры” и “идентичности”, то вся ее концепция превращается в обоюдоострую интерпретирующую модель. В этом случае этничность подразумевает “культуру” как разделяемые образцы поведения, коллективный опыт и нормы, которые выступают как этническая характеристика той или иной группы. С другой стороны, этничность, понимаемая как идентичность, указывает на чувство принадлежности, т. е. [само]идентификацию отдельной личности с определенной этнической группой»¹⁶.

В антропологии для выделения этнических групп используются следующие критерии (признаки):

- 1) население в значительной степени биологически самовоспроизводимо;
- 2) население разделяет фундаментальные культурные ценности, реализованные во внешнем единстве культурных форм;
- 3) население образует поле коммуникации и взаимодействия;
- 4) население характеризуется тем, что принадлежность к группе, идентифицируемой как теми, кто в нее входит, так и теми, кто в нее не входит, конституирует категорию, отличную от других категорий того же порядка¹⁷.

Это определение можно дополнить и другими признаками, с помощью которых определяются этнические группы:

- 5) общее название, имя, которое идентифицирует и определяет принадлежность к сообществу (мы – русские, ирландцы, ливы и т. д.);
- 6) разделяемый всеми членами сообщества миф о общем историко-культурном наследии, содержащий идею об общем происхождении; он обеспечивает для членов группы чувство родства, общности происхождения, единой генеалогии;
- 7) общая историческая память, единые представления об общем прошлом (набор ключевых событий, исторические легенды, «места памяти», мифологизированные герои и т. п.);

¹⁴ Там же. С. 36.

¹⁵ Беккер Ф. Этничность и миграция: критическое прочтение понятия этничности в миграционных исследованиях // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 87.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Цит. по: Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 11.

8) признаваемые всеми членами сообщества элементы общей культуры (народные обычаи, в том числе бытовые – костюм, оформление жилища, особенности кухни, особенности религиозных культов, свойства языка и т. д.);

9) единые представления об «исторической родине», «земле происхождения», «земле предков»; при этом на ней не обязательно проживать в данный момент, но символическая связь с ней всегда присутствует в культурных представлениях данной этнической группы;

10) чувство общности («мы – большая семья», солидарность, комплиментарность) членов этнической группы, основанное на чувстве родства.

Категория этничности оказывается востребованной в современной науке и современном мире в связи с историко-культурными и демографическими процессами XIX–XX вв. В ходе войн, революций, складывания и крушения колониальной системы люди оказались разделены, разбросаны по разным государствам и континентам. В разных местах возникли крупные и мелкие диаспоры и просто анклавы этнически иного населения. Миграции, депортации, этнические чистки, метисация населения, перемещения границ, распад империй и образование новых государств привели к тому, что этносы и нации смешались. По подсчетам В. Коннора, только 15 из 180 современных наций гомогенны, а все остальные являются многонациональными по составу¹⁸.

В этой мультикультурной, миксированной среде человеку важно сохранить свою этническую идентичность как идентичность культурную, идентичность происхождения, идентичность родства с себе подобными. Этнизация выступает социальной, культурной, политической маркировкой. Для ее обозначения и используется категория этничности.

Ф. Беккер отметила, что применяются две объясняющие схемы этничности: *примордиалистская* и *ситуативная*. При примордиалистской схеме этничность воспринимается как некая культурная данность, передаваемая от поколения к поколению. При ситуативной этничность используется как стратегия поведения разных социальных групп в разных ситуациях, т. е. этничность оказывается инструментом манипулирования в культурной и социальной политике. «Ситуативный подход понимает этническую идентичность как результат действия, или как дискурсивный модус, находящихся в конкретно-исторической ситуации действующих индивидуумов, чьи специфические практики полностью социально контекстуализированы. Вместо описания этничности как базисного, эссенциалистского феномена здесь предлагается ее прочтение как некоего регистра возможностей, которые могут быть мобилизованы в ходе социальных практик. Исходя из этого исследуются условия и формы включения этнических категорий в тот или иной дискурс». Этничность предстает «как интерпретирующая модель, как продукт социальной конструкции, служащий символическому отграничению и применяемый каждый раз в зависимости от актуальных интересов. С другой стороны, этничность приравнивается авторами к концепту культуры и этническая идентичность становится в конечном счете объективным типом, который формирует членов группы и не позволяет им приспособливаться к новым условиям»¹⁹.

Другими словами, этничность как идентичность служит не только объединению индивидов в группы, но и их разделению, проведению границ как между индивидами, так и между группами. Здесь получила развитие концепция этнической границы Ф. Барта: «Интересующие нас границы – это, конечно, границы социальные, хотя у них могут быть и территориальные составляющие. Если группа сохраняет свою идентичность, когда ее члены взаимодействуют с другими, в силу вступают критерии определения принадлежности и способы сигнализирования о включенности/исключенности... этническая граница канализирует социальную жизнь: ей соответствует подчас довольно сложная организация поведения

¹⁸ Цит. по: Биллиг М. Нации и языки // Логос. 1995. № 4 (49). С. 75.

¹⁹ Беккер Ф. Этничность и миграция... С.72, 75.

и социальных отношений. Идентификация другого индивида как члена своей группы предполагает наличие разделяемых этими индивидами критериев оценки и суждений. Предполагается, таким образом, что оба в принципе “играют в одну и ту же игру”, и это означает, что между ними образуется потенциал для диверсификации и экстраполяции их социальных связей»²⁰.

Как заметила Ф. Беккер, этничность у Ф. Барта – «это прежде всего стратегия отграничения, некая форма социального взаимодействия между группами или форма действия, с помощью которой утверждается и маркируется культурная инаковость. Говоря короче: определение групп происходит в ходе проведения границ между ними, а не через “объективные” культурные признаки. Последние же “выдергиваются” из общего репертуара культурных образцов собственной или чужой группы и наделяются символическим смыслом с целью использовать их для самоидентификации или отмежевания»²¹.

Наличие подобных границ и «стратегий ограничения» обязательно предполагает выработку принципов взаимодействия обществ «по разную сторону этнической границы». Собственно, вот тут мы и подходим к главной практической проблеме наук, изучающих этничность: каков механизм взаимодействия этнических групп и каким образом, с использованием каких институтов, его можно сделать более гуманным, эффективным, прогрессивным? К сожалению, история дает нам гораздо больше примеров ксенофобии и даже агрессии в отношении «этнически иных». Инструментами регулирования отношений между этническими группами выступают государство, социальные отношения, регулируемые законом и обычаем, этническая политика, культурная политика, демографическая политика, экологическая политика и т. д.

Идеалом здесь выступает, по словам Ф. Барта, «полиэтническое общество, интегрированное в рыночную экономику, контролируемое государственной системой, в которой доминирует одна из групп, но которая оставляет широкое пространство для культурного разнообразия в религиозном и бытовом секторах социальной активности»²². Такое устройство является идеалом современных демократий, и мы видим попытки его реализации (с разной степенью успешности) на примере сегодняшних демократических государств.

С этничностью тесно связано понятие *этнической мобилизации*. Как было показано выше, сам процесс этнизации часто бывает срежессирован, управляем элитами, направлен на решение политических, социальных, культурных задач, является инструментом решения этих задач. Для этого надо актуализировать, возбудить в социальных группах запрос на этничность (именно с этим в современном мире бывает связан рост национализма). Люди как бы мобилизуются в этнические группы, причем порой помимо своей воли. В.А. Тишков назвал этот процесс *политикой этнического предпринимательства*²³. Он хорошо виден на истории территорий с этнически смешанным населением, когда в определенные моменты одна из этничностей начинала искусственно доминировать над другими.

Этнические мобилизации тесно связаны с этнической политикой, которая может приобретать черты радикального национализма (нацизма), мягкого национализма (так называемого культурного национализма, делающего акцент на протекционизме в отношении локальных культур; его вариант – политика мультикультурализма в современных западных демократиях, поощряющая развитие и сохранение чужих этнокультур в ином социуме) и даже этнических чисток, депортаций, дискриминации населения, объявленного этнически чуждым. К сожалению, человеческая история знает немало трагических примеров этниче-

²⁰ Барт Ф. Введение. С. 17–18.

²¹ Беккер Ф. Этничность и миграция... С.91.

²² Барт Ф. Введение. С. 19.

²³ Тишков В. А. Реквием по этносу. С. 107.

ских мобилизаций. Вместе с тем этномобилизационные процессы всегда лежат в основе создания суверенных национальных государств, а также имперской политики, т. е. являются системообразующими в процессе формирования государств в прошлом и настоящем.

Против традиционного определения этничности как групповой идентичности выступил Р. Брубейкер. Он критиковал «*группизм*» – «тенденцию рассматривать ограниченные группы как основные единицы анализа (и как базовые элементы социального мира)... Ограниченные и солидарные группы – один, но и всего лишь один из модусов этничности (и социальной организации вообще). “Групповость” – переменная, а не константа, и из нее невозможно исходить. Она различна не только в разных предполагаемых группах, но и внутри группы: со временем она может прибывать или истощаться, достигая пика в исключительные, но краткие моменты коллективного подъема. Этничность не требует такой групповости. Она действует не только (и даже не столько) в ограниченных группах и влияет через них, но и через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события. Короче говоря, исследование этничности – даже исследование этнического конфликта – не должно сводиться к изучению этнических групп, они даже не должны быть его главным предметом»²⁴.

Главное в концепции Брубейкера – то, что он настаивает на понимании этничности не как некой обретаемой константы, но как многогранного процесса: «Этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности – к чему нас подталкивает образ дискретных, конкретных, осязаемых, ограниченных и живучих “групп”, – но в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах. Иными словами, этнизация, расизация и национализация должны пониматься не как субстанциальные группы или сущности, а как практические категории, ситуативные действия, культурные идиомы, когнитивные схемы, дискурсивные фреймы, организационные устои, институциональные формы, политические проекты и случайные события»²⁵. Изучать их необходимо через выделение и изучение категорий описания и самоописания этничности, ее классифицирующих признаков.

Этническая группа может моделироваться, проектироваться и тем самым создавать этничность (а не наоборот, как традиционно считалось, – этничность формирует группу). Здесь важны ее когнитивные рамки и возможности, о которых Брубейкер пишет: «Этничность, раса и национальность являются по существу способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир. Они включают этнически окрашенные способы видения (и игнорирования), объяснения (и неверного объяснения), вывода (и ошибочного вывода), воспоминания (и забвения). Они включают этнически ориентированные фреймы, схемы и нарративы, а также приводящие их в действие ситуативные сигналы, и не в последнюю очередь – те, что доставляются средствами массовой информации. Они включают системы классификации, категоризации и идентификации – формальные и неформальные. И они включают подразумеваемое, само собой разумеющееся фоновое знание, воплощенное в людях и встроенное в институциональную рутину и практики, через которые люди опознают и воспринимают предметы, места, лиц, действия и ситуации как этнически, расово или национально окрашенные или значимые»²⁶.

²⁴ Брубейкер Р. Этничность без групп. С. 18.

²⁵ Там же. С. 29.

²⁶ Там же. С. 42.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение идентичности. Приведите точки зрения ученых на проблему идентичности.
2. Чем идентичность отличается от идентификации?
3. Объясните, почему идентичность всегда носит субъективный, а не объективный характер.
4. Какие существуют классификации идентичности?
5. Раскройте понятие «кризиса идентичности».
6. Что такое этничность? Как соотносятся понятия идентичности и этничности?
7. Что такое «теория этнического непотизма»?
8. Какие критерии используются в антропологии для выделения этнических групп?
9. Почему категория этничности востребована в современной науке?
10. В чем особенность подхода к изучению идентичности Р. Брубейкера?

Глава 2

Современные теории этноса

§ 1. Что такое этнос?

Приведем определение: *этнос* (от греч. *εθνος*; – народ) – *исторически сложившаяся совокупность людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (этнонимом), отличают себя от других подобных общностей.*

Древнегреческое слово «этнос» изначально означало «племя», «народ», различные аналоги современного понимания этнической группы. С XVIII в. слово «этнос» (в основном в форме прилагательного «этнический») постепенно входит в научный оборот. Одним из первых определение этноса, близкое к современному, дал французский антрополог Ж. Деникер. Большой вклад в теорию этнических групп внес немецкий социолог М. Вебер²⁷. В российской науке введение в оборот понятия этноса связано с именем этнографа С. Широкого-рова (1887–1939)²⁸. Он сближал этнос с биологическими организмами: «Основной задачей этноса – как и других биологических видов – является поддержка его существования. Показателем успешного существования является состояние “этнической устойчивости”, “этнического равновесия”, т. е. ситуация баланса между численностью конкретного этноса и ресурсами, доступными для поддержания его существования на определенной территории. Достижение баланса зависит не только от отношений между этносом и природной средой, но и от мощи этноса, проявляющейся в его способности противостоять этническому давлению со стороны других групп»²⁹.

Советские этнографы во главе с Ю. В. Бромлеем (1921–1990) разработали дуалистическую концепцию этноса. Она различает два смысла этого понятия:

1. В узком смысле этнос получил название «этникос». Это «исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемым в самоназвании (этнониме)».

2. В широком смысле этнос – этносоциальный организм, «та часть соответствующего этникоса, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования и представляет, таким образом, определенную социально-экономическую целостность»³⁰.

Из концепции Бромлея вытекала иерархия этнической классификации: *род – племя – народность – нация*. Под *родом* понимается группа людей, основанная на кровных связях. Род присущ первобытному строю. *Племя* – объединение нескольких родов в эпоху первобытно-общинного строя. Племя имеет ареал расселения, единство языка, религиозных веро-

²⁷ Бромлей Ю.В. Теория этноса // Свод этнографических понятий и терминов. Т. 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. М., 1988. С. 41.

²⁸ Широкого-ров С. Этнос: исследование основных принципов изменений этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.

²⁹ Цит. по: Ушакин С. Жизненные силы русской трагедии: о постсоветских теориях этноса // Ab Imperio. 2005. № 4. С. 240.

³⁰ Бромлей Ю.В. 1) Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981. С. 10–44; 2) Очерки теории этноса. М., 1983. С. 44–86.

ваний, материальной культуры и быта. У членов племени есть представление о родстве и происхождении от общего предка. В то же время племя обычно не слишком многочисленно; когда речь заходит о многочисленных людских объединениях, ученые предпочитают говорить о «племенах» или «союзах племен».

Народность – окончательно не сформировавшееся сообщество людей, объединенных общим пространством, культурой, языком и т. д., в котором еще присутствуют значительные внутренние различия. Народность образуется из слияния племен и является следующей ступенью этнической эволюции. Далее следуют *этнос* – этническое сообщество доиндустриального периода, и *нация* – этническое сообщество индустриального периода. Согласно данной концепции предполагается, что этническое развитие последовательно проходит все эти стадии.

Этнос имеет структуру. Он состоит из *этнического ядра* (компактно живущей на определенной территории основной части этноса), *этнической периферии* (компактных групп представителей данного этноса, отделенных от основной его части) и *этнической диаспоры* (отдельные члены этноса, живущие в анклавов или минигруппами на территориях, занятых другими этническими общностями).

Внутри этноса выделяются *субэтноты* – группы этнически однородных людей, отличающиеся своеобразием культуры, языка и самоидентификацией. Например, грузины делятся на картлийцев, кахетинцев, имеретин, гурийцев, мохевцев, мтиулов, рачинцев, тушин, пшавов, хевсуров и т. п. У членов такого этноса существует двойное этническое самосознание: сознание принадлежности к этносу и сознание принадлежности к субэтноту. Также выделяются *макроэтнические* или *метаэтнические общности* – объединение этносов по какому-либо признаку, например, славяне, романно-германцы и т. д.

Естественно, возникает сложный вопрос: этнос – явление социальное или биологическое? Станет ли человек, рожденный в другом этносе, носителем иных этнических черт, или сохранит черты своих родителей?

Есть сторонники точки зрения, согласно которой *этнос – это биологическая популяция*. Однако при внимательном рассмотрении проблемы оказывается, что это пока недоказуемо. Основным признаком популяции – одинаковая система воспроизводства, подобное порождает подобных. Но у животных это обусловлено биологическим устройством. Брак собаки и кошки невозможен физически. У человека, тоже внутри одного сообщества, браки эндогамны (до 85 %). Обусловленная ими замкнутость круга брачных связей является своеобразным «стабилизатором» этноса, поскольку обеспечивает ему сохранение семей однородного этнического состава. Но это обусловлено *не* биологией (физически нет препятствий к браку чукчи и африканской девушки), а обычаями, традицией, культурными ограничениями (язык, религия, стереотипы поведения, этническое самосознание и т. п.).

Принципиальное отличие этноса от биологической популяции наглядно выявляется как раз в способе воспроизводства. В популяции оно осуществляется путем передачи генетической информации по наследству от поколения к поколению через ДНК половых клеток. Механизм же воспроизводства этноса основан на коммуникативных «внебиологических» связях. На примере США мы видим, как из африканцев получают стопроцентные американцы. И биология здесь не при чем.

Тем не менее поиски биологических показателей этносов продолжаются. В XVIII–XIX вв. с легкой руки немецких философов-романтиков появились арийские расовые теории, которые немецкий нацизм в XX в. попытался воплотить в жизнь. В наши дни, когда в связи с распадом СССР и Югославии, бунтом малых народов национализм в Европе вновь поднял голову, некоторые на полном серьезе ищут «генотипы» наций. Уже даже есть исследования по этногенезу, построенные как раз на сравнении хромосом, геномном анализе и т. д. Причем этим увлекаются в самых разных странах: генотип «истинных хорватов» сегодня ищут в

славянской Хорватии, а в 2009 г. Израиль начал исследование генов афганских пуштунских племен на предмет выявления общих семитских предков.

По замечанию М.Ю.Барбашина, одним из современных приверженцев этногенетики является С. Холл, сформулировавший «биогенетический закон». Британский ученый, на которого большое влияние оказали труды Ч. Дарвина, указывал, что генетическая структура устанавливает границы диапазона вариаций, в пределах которого действует организм, обладающий таким генетическим кодом, считая, что этногенез происходит «в соответствии с правилами биологической эволюции». Однако, согласно критическому замечанию М.Ю.Барбашина, данный подход неверен, так как эволюция отбирает для выживания либо гены, либо отдельные организмы, но не группы³¹. Поэтому этногенетика в данном случае просто не работает, теория С. Холла противоречит законам биологической эволюции.

Среди биологических теорий этноса можно вспомнить гипотезу Пьера ван ден Берге. Он определял этнос как «расширенную родственную группу». Существование этнических общностей ван ден Берге объясняет генетической предрасположенностью человека к родственному отбору. Суть его заключается в том, что альтруистическое поведение (способность приносить себя в жертву) уменьшает шансы данной особи на прямую передачу своих генов следующему поколению – особь жертвует собой ради соплеменников и героически погибает, не оставив своего собственного потомства. Но этим она спасает соплеменников, а они его родственники, и тем самым увеличивается возможность передачи его генов косвенным путем, через потомство родни. Помогая родственникам выжить и передать свои гены следующему поколению, индивид способствует воспроизведению собственного генофонда. Поскольку такой тип поведения делает группу эволюционно более устойчивой, чем аналогичные другие группы, в которых альтруистическое поведение отсутствует, то «гены альтруизма» поддерживаются естественным отбором. Со временем из таких групп и получаются народы, способные на поступок, на свершения, на самопожертвование, на героические деяния. Из других же – слабые, не способные к сопротивлению, недостойные народы.

Л. Н. Гумилев создал теорию пассионарности, согласно которой народы суть биологические организмы, наделенные разной способностью усваивать особое космическое излучение. Те, кто умеют его усваивать, становятся пассионариями и творят историю, а кто не умеет – оказываются в подчинении первых. По Л. Гумилеву, этнос – «естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как системная целостность (структура), противопоставляющая себя всем другим коллективам исходя из ощущения комплиментарности и формирующая общую для всех своих представителей этническую традицию»³².

Подобные теории часто ведут к появлению представлений о неравенстве этносов и наций. Они тем опаснее, что этот вывод в научных трудах нередко подкрепляется историческим материалом. Историки пишут, что одни народы создавали империи, творили историю, другие были для них всего-навсего расходным колониальным материалом, а третьи вообще не оставили никакого следа в истории кроме этнографического. Н. И. Данилевский писал о народах «исторических» и «неисторических» (например, «неисторический» народ, по его мнению, финны).

Этнос имеет свои особенности, черты и характеристики. Они проявляются на уровне темпераментов, медицинских традиций, особенностей экологического поведения (преобладание у этноса экофильных или экофобных установок), традиций, касающихся регулирования рождаемости, и т. п. Большинство факторов, определяющих особенности естественного

³¹ Барбашин М. Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. Ростов н/Д, 2013. С. 20.

³² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1997. С. 611.

воспроизводства населения, т. е. биологического в своей подоснове явления, либо непосредственно связаны с этносом (через народную культуру, быт и традиции), либо, что бывает гораздо чаще, косвенным путем (через антропологические особенности, специфику хозяйственной деятельности, религию, особенности демографической политики и т. п.). Большую роль играет урбанизация, у сельского и городского населения конституция тела имеет свои особенности, и на протяжении поколений это закрепляется.

§ 2. Этнос и язык

Особое значение для этноса имеет язык. Словом «языки», «языцы» в славянском переводе Библии обозначались языческие народы и племена, т. е. Библия указывает, что язык был главным маркером их различия («От сих населились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих» – *Бытие 10: 5*; «...смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле» – *Бытие 11: 9*). В еврейской Библии используются слова: *'am* – *богоизбранный народу* и *goyim* – *неверные, языческие народы*. В Септуагинте это соответственно *demos*, а язычники – *ethne* (этносы). В латинской Вульгате используются термины *gentes* и *natio*. В православном переводе это *народ* и *языки (языцы)*.

В XVIII в. Г. Гердер и Ф. Фихте заявили, что основу и подлинный дух нации составляет ее язык. В XXI в., по замечанию Джона Эдвардса, «язык по-прежнему считается основным столпом этнической идентичности»³³. Связано это с тремя обстоятельствами.

Первое – «стратегии различения». Язык – самый очевидный, лежащий на поверхности, легко выделяемый *маркер этноса*. Гердер говорил, что язык народа есть искра, из которой возгорается его дух, облик. Показательно, что народы склонны возвышать свои языки, а тех, кто не понимает их, считать менее развитыми. Характерным примером здесь считается именование русскими всех европейцев, не понимавших русского языка, немцами, т. е. «немыми», «не говорящими». Некоторые ученые объясняют семантику этнонима «славяне» как «понимающие слово», «люди, говорящие настоящими словами», и происхождение этого этнонима связывают с родством славянских языков: славяне узнавали соплеменника по способности «говорить словами», родственным языком.

Заметим, что в германском языке *Slawo* означало «немой», в готском *slawan* – «молчать». То есть налицо полностью аналогичная обратная ситуация, только теперь «говорящими» оказываются германцы, а «немыми» – славяне³⁴.

В этом смысле языки как элементы стратегий различения востребованы национализмом. М. Биллинг по этому поводу несколько категорично заявлял: «Понятие “языка”, по крайней мере, в том смысле, который кажется “нам” столь банально очевидным, само может быть изобретенной непреложностью, созданной в эпоху национального государства. Если дело обстоит именно так, то не столько язык создает национализм, сколько национализм создает язык; или, скорее, национализм создает “наше” обыденное представление о том, что существуют “естественные” и бесспорные вещи, называемые различными “языками”, на которых мы говорим»³⁵.

Мы видим, что в современных государствах на постсоветском пространстве, которые проводят политику построения национальной государственности, на первый план выходит именно политика в отношении языка, перевод официального делопроизводства и образования на национальный язык, политика дискриминации по отношению к языку «меньшинств» (прежде всего – «русскоговорящего» населения). Создание среды для доминирования национальных языков видится гарантом суверенитета национального государства. При этом крайне важным считается отказ от «имперского» языка, и буквально вопло-

³³ Цит. по: Биллинг М. Нации и языки // Логос. 1995. № 4 (49). С. 61.

³⁴ Вернер К., Гицницер Ф., Козеллек Р, Шенеман Б. Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических терминов и понятий. Т.2. М., 2014. С. 374.

³⁵ Биллинг М. Нации и языки. С. 77.

щается в жизнь риторический для своего времени вопрос-лозунг: «Можно ли использовать язык империализма и при этом избежать “заражения” имперским мировоззрением?»³⁶.

Гибель языков малых народов в имперской среде или внутри национальных государств, стремящихся к гомогенности, ведет к печальной ситуации, точно описанной Дж. Фишманом: «Народы, утратившие свой исторический язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, испытывают на себе мучительный опыт пребывания “между жизнью и смертью”. Они утрачивают свои сложившиеся представления о нравственности, добродетельной жизни, преемственности поколений, значимости прошлого, настоящего и будущего, заслуженного места в более важном замысле. Такая утрата происходит задолго до того, как происходит полное изложение, усвоение, установление и осуществление нового самостоятельного образа действий и нормативных ожиданий»³⁷.

В западных демократиях, чувствующих себя более устойчивыми, напротив, проводится политика защиты и поощрения языков меньшинств, их законодательная защита. Она позволяет сохраниться региональным этническим идентичностям.

Второе обстоятельство – *центральным элементом национального сознания, национализма всегда выступает идеология. Она имеет дискурсивную, т. е. языковую природу.* М.Биллиг писал: «Язык играет жизненно важную роль в действии идеологии и формировании идеологического сознания. Это подчеркивалось более 60 лет тому назад Михаилом Бахтиным в “Марксизме и философии языка”, книге, которая была написана им под именем Волошинова. Бахтин утверждал, что “объективная психология должна опираться на науку об идеологиях” и что формы сознания создаются при помощи языка. Поэтому социально-психологическое исследование идеологии предполагает исследование конкретных действий языка: “общественная психология – это и есть прежде всего та стихия многообразных речевых выступлений, которая со всех сторон омывает все формы и виды устойчивого идеологического творчества”»³⁸.

Иначе говоря, национальное и национализм имеют прежде всего языковое, вербальное выражение. Отсюда язык, на котором происходит «презентация нации», крайне важен. От него зависит, как пройдет эта презентация. Язык моделирует реальность, создает ее: «Эдвард Сапир (Edward Sapir) выдвинул блестящую революционную идею: то, что мы называем “реальным” миром, создается языковыми навыками группы, и потому миры, в которых живут различные сообщества, значительно отличаются друг от друга, это не один мир, к которому приклеивают разные ярлыки. Центральный тезис Уорфа (Whorf) и Сапира хорошо известен: язык функционирует не просто как средство фиксации опыта, но также – и это более важно – как средство, с помощью которого происходит конституирование этого опыта для говорящего. “Лингвистическая система (другими словами, грамматика) каждого языка – это не только репродуктивный инструмент для озвучивания идей. Лингвистическая система сама формирует идеи, она – программа, проводник индивидуума в его умственной деятельности, в его попытках анализировать впечатления или синтезировать свой умственный капитал... Мы препарировали природу по контуру, который провел для нас наш родной язык. Мы выделяем категории и типы в мире феноменов не потому, что они бросаются каждому наблюдателю в глаза. Напротив, мир являет себя в калейдоскопической вспышке впечатлений, которые мы организуем в умах – с помощью лингвистической системы в наших умах”»³⁹.

³⁶ Ашкрофт Б. Язык // Ab Imperio. 2005. № 2. С. 70.

³⁷ Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // Логос. 1995. № 4 (49). С. 136.

³⁸ Цит. по: Биллиг М. Нации и языки. С. 65.

³⁹ Цит. по: Ашкрофт Б. Язык. С. 84.

И, наконец, третье обстоятельство – *языки, в отличие от наций, имеют древнюю и научно реконструируемую историю*. Если применительно к этносам и нациям идут споры о времени их происхождения, и нации в своем большинстве относят к Новому времени, то языки, несомненно, древнее. Это служит одним из аргументов для примордиалистов, напрямую увязывающих выделение того или иного языка с появлением народов и наций. Им возражают конструктивисты, которые приводят примеры отсутствия прямой взаимообусловленной связи между языком и этносом (например, у евреев, не знающих ни иврита, ни идиша, но считающих себя евреями), нацией и языком (у ирландцев, говорящих по-английски, у швейцарцев как нации говорящих на немецком, французском, итальянском и т. д.).

При всем этом невозможно отрицать связь особенностей языка и особенностей национальной культуры. Другое дело, что эти аспекты в научном плане до сих пор слабо изучены. Например, ученые пытались установить, как тот или иной тип письменности влияет на культурные коды и развитие различных этносов. Сравнивались латиница и кириллица, письмо фонетическое и иероглифическое. В процессе их употребления задействованы разные участки коры головного мозга, отсюда и разница народов в мышлении, психике и т. д. Например, японский ученый Т. Цунода обследовал представителей нескольких десятков этнических групп (европейских, азиатских и африканских). Полученные материалы показали, что если у представителей подавляющего большинства обследованных групп гласные вызвали доминантность правого полушария (левого уха), то у лиц, родным языком которых был японский или один из полинезийских (тонга, восточно-самоанский и маори), – левого полушария (правого уха). Было выяснено, что такого рода различия в характере доминантности вызваны не генетическими факторами, а лингвистической и слуховой средой.

Т. Цунода пришел к выводу, что причина указанных выше различий заключается в общем для японского и полинезийского языков свойстве: присутствии в них большого количества слов, состоящих только из гласных, и слов из двух или более гласных и согласных. В этих богатых гласными языках сами гласные столь же важны в узнавании слов и предложений, как и согласные. В результате гласные звуки «обрабатываются» в левом, или «речевом», полушарии.

Сегодня популярна *теория лингвистической относительности* (теория Сапира-Уорфа). Согласно этой теории, сходные физические явления позволяют создать похожую картину вселенной только при наличии сходства или по крайней мере соотносительности языковых систем. Уорф, например, обратил внимание на то, что в языке индейцев хони одним и тем же словом обозначаются все летящие предметы за исключением птиц (насекомое, самолет, летчик и т. д.).

И лишь контекст позволяет понять, в каком смысле употреблено это слово. В то же время эскимосы пользуются рядом различных слов, обозначающих снег в том или ином его качестве (падающий снег, талый снег, сухой снег). В языках европейцев подобные слова просто отсутствуют.

Из этих наблюдений вытекает, что разные языки неодинаковы в решении различных социальных и культурных задач. Кант не смог бы написать свои труды на эскимосском языке – в нем просто нет необходимых для этого слов и выражений. Недаром в истории человечества периодически встает проблема универсального языка (например, латыни как универсального языка в Средневековье; сегодня такую роль в значительной степени играет английский язык). Но тогда неизбежен вывод о неравенстве этносов, их «культурной специализации». А подобные идеи о неравенстве народов, в определенной степени обусловленном объективными причинами, опасны, так как неизбежно ведут к появлению национализма.

§ 3. Происхождение этноса: спор примордиалистов и конструктивистов

Относительно происхождения и развития этносов – *этногенеза* – в науке многие годы идут большие дискуссии. Их участников можно объединить в два крупных направления – примордиализм и конструктивизм.

Примордиализм – теория, согласно которой этнические черты устойчивы, присущи только данному этносу, зарождаются в древности и передаются по наследству. «Кровь и почва» – вот что определяет сущность этноса; почва, земля, территория, страна, в которой он появился, кровь, которая была пролита за эту землю и которая течет в жилах его представителей с древности до сегодняшнего дня. Другими словами, этническая принадлежность проявляется как своего рода «зов природы».

Этнос возникает как система взаимодействия людей, основанная на лингвистических, территориальных, религиозных, культурных, исторически сложившихся связях. Каждый человек подсознательно чувствует свое родство с другими представителями этноса, ощущая это через общее представление о родине, об общей исторической памяти, высокой культуре и бытовой культуре, морали и системе этических ценностей, языке, религии и т. д.

При этом существует социобиологический примордиализм: человек, рожденный русским, всегда будет русским, где бы он ни жил. В своей радикальной форме примордиализм трактует этносы как «биосоциальное явление, соединяющее естественную природу с обществом». Примордиалисты указывают на тот факт, что общности, из которых возникают этносы – род и племя – представляли собой «расширенные семьи», продукт развития кровнородственных связей. Отсюда следовало, что этносы – кровнородственное сообщество, и потому соединяющие его связи имеют биологическую природу. Например, Петер ван ден Берге, современный немецкий ученый, фактически сводит этничность к генам. По его теории, этническая группа обречена на воспроизводство в своем поведении и мышлении тех образцов, которые заложены в генотипе ее членов.

Существует более мягкий, эволюционно-исторический примордиализм, согласно которому этносы могут образовываться разными, не всегда нам ясными путями, но сформировавшись, они создают особую культуру, и человек, рожденный в этой культуре, навсегда и в любой среде будет ее носителем. Представители эволюционно-исторического направления в примордиализме рассматривают этнос как общность, в которой взаимная привязанность достигается воздействием социальных условий, а не ходом биологического развития, но закрепляется жестко. Один из основателей этого направления, Э.Смит, определяет этнос как объединение людей, имеющих имя, разделяющих мифы о предках, имеющих совместную историю и культуру, ассоциированную со специфической территорией, и обладающих чувством солидарности¹⁴. Изначальной данностью сторонники этого направления считают не кровь, а запечатленные в младенчестве культурные структуры. К. Янг пишет: «Человеческие существа рождаются как несформировавшиеся до конца животные, реализующие себя через создаваемую ими культуру, которая и начинает играть роль примордиальной “данности” в общественной жизни»⁴⁰.

Примордиализм как научная теория уходит своими корнями в середину XIX в., в работы Э. Дюркгейма о групповой солидарности. Возникновение этой теории было тесно связано с развитием прикладной этнологии и антропологии, востребованных прежде всего в

⁴⁰ Янг К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М., 1994. С. 115.

связи с развитием колониализма. XIX – первая половина XX в. – время колониальных европейских империй, а народами империй надо было как-то управлять. Европейцы пытались поставить это на научную основу. Как говорил один из основателей английской антропологии А. Радклифф-Браун, прежде чем пытаться реформировать общество колоний, надо его изучить.

Власти США уже в 1860 г. привлекали антропологов к решению задач по управлению индейскими сообществами. Но систематически стали использовать антропологов англичане. С 1908 г. английские антропологи активно работали в Нигерии, затем в Судане, где по заказу колониальных властей были проведены первые этнографические исследования. В некоторых колониях была введена официальная должность правительственного антрополога. В период между Первой и Второй мировыми войнами значительное число антропологов служило в Министерстве иностранных дел и Министерстве по делам колоний Англии. С 1950-х годов специалистов по антропологии и этнологии стали активно привлекать правительство и спецслужбы США для прикладных исследований в Латинской Америке, а также к разработкам, связанным с войной во Вьетнаме. Одной из первых работ с четко сформулированными идеями примордиализма считается статья Эдварда Шилза «Примордиалистские, личные, религиозные и гражданские связи», опубликованная в 1957 г. в «Британском социологическом журнале»⁴¹. Вместе с американским ученым К. Гирцем Э. Шилз является крупнейшим теоретиком примордиализма.

Примордиализм возник при изучении этнических конфликтов, эмоциональный заряд и иррациональная ярость которых не находили удовлетворительного объяснения в европейской социологии и представлялись чем-то инстинктивным, «природным», предписанным генетическими структурами народов, многие тысячелетия пребывавших в доисторическом состоянии. Также большое влияние на примордиализм оказали эволюционная теория Ч. Дарвина и теория естественного отбора Т. Мальтуса. Примордиализм (особенно его социобиологическое направление) был тесно связан с расовыми теориями, которые находили поддержку в культурных установках иудаизма и христианства. С. Н. Булгаков видит в «мифе крови» отзвуки ветхозаветных представлений об этничности. Он пишет: «Субстратом расы, как многоединства, для расизма является кровь. Основное учение именно Ветхого Завета о том, что в крови душа животных (почему и возбраняется ее вкушение), в известном смысле созвучно идее расизма. Раса мыслится не просто как коллектив, но как некая биологическая сущность, имманентная роду»⁴².

Теория примордиализма во многом основана на научных представлениях о первобытности – о человеческом стаде, о кровном родстве как основе родовой общины, о племени, вырастающем из родовой общины и т. д. То есть в его основе лежит исходная посылка о том, что принцип объединения человеческих сообществ есть их объединение как более мелких единиц – семей, родов, племен, когда исходной единицей оказываются группы, построенные по кровнородственному принципу.

Главное в примордиализме – то, что он придает этничности смысл онтологической сущности, всеобщей сущности бытия, сверхчувственной и сверхрациональной. Для него характерны изучение «национального духа», «души народа», «национальной идеи» и т. д., парадоксальность языка («Единственный внятный ответ на вопрос: “Кто такие русские?” — “Это русские”. И этим все сказано»). «Теоретик русского национализма» И. А. Сикорский (отец известного авиаконструктора) писал в 1895 г.: «Черты народного характера, его досто-

⁴¹ Shils E. Primordial, Personal, Sacred and Civil Ties // *British Journal of Sociology*. 1957. Vol. 8, N2. P. 130–145.

⁴² Булгаков С. Н. Расизм и христианство. М., 2008. С. 817.

инства и недостатки передаются нисходящим поколениям: через тысячи лет в данной расе мы встречаем те же особенности народного характера»⁴³.

Способом научного познания, которым пользуется примордиализм, является *методологический эссенциализм* (от лат. *essentia* – сущность) – метод, имеющий своей целью открытие истинной «природы вещей». В крайнем случае приверженцы примордиализма доходят до буквального овеществления этничности, считая ее материальной субстанцией, включенной в структуры генетического аппарата человека. Смысл сущностного подхода в том, что этничность понимается как вещь, как скрытая где-то в глубинах человеческого организма материальная эссенция (скрытая сущность).

Основная претензия к примордиалистским теориям – это сомнение в неизменности этничности и этноса. Ведь, согласно им, этнос зарождается в древности и далее неизменен, существует на протяжении веков. Но это не так – этнос и этничность эволюционируют, трансформируются, этот процесс может носить эволюционистский, а может и регрессивный характер, вплоть до деградации и исчезновения этноса. Индивид даже на протяжении своей жизни способен менять этническую ориентацию. Примордиализм предполагает стабильность сформированной этничности и ее передачу из поколения в поколение. Но в истории бывает по-разному. Очевидно, что этносы меняются. Древние греки и современные греки – это разные народы, так же как древние римляне и итальянцы. На разных исторических этапах этносы могут радикально трансформироваться, вплоть до превращения в новый этнос благодаря взаимодействиям с другими этносами и т. д. Эти процессы трудно объяснить с помощью примордиалистских теорий.

Примордиализм предполагает некую подсознательность, иррациональность – родившись, человек автоматически усваивает комплекс представлений об идентичности, к которой принадлежит. Но этот процесс гораздо сложнее – человек может обретать этничность осознанно и менять ее на разных этапах взросления. На его выбор могут влиять государство, общество, другие факторы (смена религии, образование, принудительная депортация и т. д.). Примордиалистские теории, опять-таки, здесь малоэффективны.

Недостатки примордиализма как научного подхода особенно очевидны при обращении к этнической истории Нового времени, когда ученые, как правило, говорят уже не об этносах, а о нациях. Для объяснения процесса нациестроительства (аналог этногенеза применительно к нациям) сегодня получила развитие концепция конструктивизма.

Конструктивизм считает нации искусственным образованием, порожденным прежде всего человеческим сознанием, воображением (Б. Андерсон: «нации – это воображаемые сообщества»⁴⁴; Р. Брубейкер: «Национальность (nationhood) – это не бесспорный социальный факт; она является спорным, и зачастую оспариваемым, политическим требованием»⁴⁵).

Суть конструктивизма в том, что национализм и националистическая политика государственных элит создают нации, используя те или иные инструменты (стандартизированная система образования и школьных программ, сеть массовых коммуникаций, «печатный капитализм», пропаганда определенных лингвистических представлений, использование эмоциональных факторов и т. д.). Нет никаких «изначальных» и имманентных черт той или иной нации, как считают сторонники примордиализма. Все они придуманы, сконструированы в сознании нации с помощью средств манипулирования этим сознанием. Нации – явление искусственное, порожденное идеологиями Нового времени.

⁴³ Сикорский И. А. Речь, произнесенная в торжественном заседании Славянского благотворительного общества 14 мая 1895 года. Киев, 1895. С. 3.

⁴⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма М., 2001. С. 41–42.

⁴⁵ Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 213.

В основе конструктивизма лежит представление, что природа «национальных», «протонациональных» и «этнических» идентичностей есть дискурсивная природа. Понятие дискурса было введено в науку Мишелем Фуко. Существует множество определений дискурса, суть которых в общем виде можно выразить следующим образом: это система представлений, оформленная в виде знаковой (как правило, вербальной) модели, в которой отражены культурные, идеологические, этические и эстетические ценности, понятия, нормы и конвенции социума на определенном этапе развития. Это отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, выражаемый в самых разнообразных, не только вербальных практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но его проектирующий и сотворяющий. Иначе говоря, понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретирования окружающего мира и вытекающие из именно такого видения действия людей и институциональные формы организации общества. Сегодня конструктивизм представляют такие ученые, как Эрнст Геллнер, Эрих Хобсбаум, Бенедикт Андерсон, Джон Брейи. Подробнее конструктивистские концепции будут рассмотрены в главе о нациях.

В последнее время предпринимаются попытки сблизить примордиалистские и конструктивистские подходы. Б. Бонка предлагает использовать понятие «амбивалентная этничность», с учетом которого этногенез рассматривается как «двуликий Янус» с примордиальными и конструктивистскими элементами⁴⁶. Дж. Комарофф попытался объединить примордиализм и конструктивизм в форме «неоконструктивизма», консенсуальность которого может послужить «синтетической теорией» этногенеза. Французский ученый утверждает, что конструктивизм – это «не теория, а некоторое описательное утверждение о том, что политическое и культурное самоосознание является результатом человеческой деятельности»⁴⁷.

⁴⁶ Барбашин М. Ю. Институты и этногенез... С. 43.

⁴⁷ Там же. С. 46–47.

§ 4. Этносы или нации? Дискуссии о домодерных (средневековых) нациях

В связи с критикой иерархической концепции (*племя – народность – этнос – нация*) возникает вопрос: а является ли схема «этнос – нация» обязательной? Существует ли столь резкая грань между этносом и нацией? Ведь признаками и этноса, и нации считаются общая территория, язык, материальная и духовная культура, самосознание, историческая память и т. д. Не будет ли представление о них как о последовательных ступенях эволюции этнических сообществ искусственным? Когда появляются нации? Как сказал А. Гастингс, в этом вопросе ключевая проблема – точка начала. Поэтому от того, что мы считаем началом, зависит и то, какие факторы в нациогенезе мы выдвигаем на первый план и считаем достаточными и необходимыми для появления наций.

Х. Сетон-Уотсон предложил делить нации на «старые», «непрерывные», и «спроектированные»: «Старыми, непрерывными нациями были те, кто существовал до 1780 г., задолго до того, как националистические идеологии и движения потребовали и приложили средства для создания национальных государств; новыми нациями были те, которые националисты намеревались создать в соответствии со своими идеологическими планами»⁴⁸. К старым нациям Сетон-Уотсон относит англичан, шотландцев, французов, голландцев, португальцев, поляков, русских, венгров, датчан, шведов и др. Они формировались «медленно и неприметно», а вот новые складывались стремительно, быстро.

В западной науке, в которой вместо понятия «этнос» больше распространено понятие «этничность», «нация», неоднократно высказывалось мнение о существовании в нациестроительстве особой стадии, которую называют по-разному: «средневековые нации», «домодерные нации», «предмодерные нации» и т. д. В ней представлена концепция перенниализма (работы Й. Фишмана, Дж. Армстронга, Г. Сентона-Уотсона и др.), по которой нации являются феноменом *longue durée* (долгой длительности. – А.Ф.). Перенниализм «пытается осмыслить их роль в качестве долговременных составляющих общественного развития – рассматриваются они как непрерывные во времени или периодически вновь возникающие в истории. Перенниалисты склонны выводить современные нации из фундаментальных этнических уз, а не из процессов модернизации»⁴⁹.

Представляется заслуживающей внимания мысль Э. Смита, согласно которой не следует считать нациогенез линейным, эволюционным процессом. Он может идти по прогрессивной линии, может – по регрессивной, может остановиться. Народы на пути своей непростой эволюции могут вообще исчезнуть, а могут несколько раз «заходить» на попытку создать нацию. В контексте этой идеи концепция «средневековых наций», или «домодерных наций», выглядит очень логично: народы предпринимают в своей истории несколько попыток создать нацию, и начальные стадии этого процесса как раз и соответствуют этапу «домодерной нации». В эпоху Средневековья нации, по выражению Ф. Майнеке, «вели скорее растительное, дремлющее существование», хотя «в отдельные моменты и открывали глаза»⁵⁰.

Толчок к обострению проблем этнической идентичности дали процессы распада Великой Римской империи и образования в Средневековье Священной Римской империи и средневековых королевств. Империя предполагает объединение разных народов, и, прежде чем унифицировать их, подчеркивает их различие, обостряет его, ставит вопрос о родовой принадлежности. «Всем народам было свойственно сильное политическое самосознание в

⁴⁸ Цит. по: Смит Э. Национализм и модернизм... С. 316–317.

⁴⁹ Там же. С. 495.

⁵⁰ Вернер К., Гиццигер Ф., Козеллек Р, Шенеман Б. Народ, нация, национализм, масса. С. 372.

качестве *gens/ natio*... Люди уже тогда знали, что народов на земле множество, и пытались на основе предполагаемых или фиктивных родственных связей объединять их в группы. Только тот, кто имеет представление о существовавшем когда-то – в реальности или в представлениях – разнообразии этого множества народов, сможет понять реальность “народа/нации” в раннесредневековой Европе»⁵¹.

Дж. Армстронг в своем фундаментальном труде «Нации до национализма» показал, что в основу этого деления легли представления о «своих» и «чужих», потребность в идентичности, которая изначально была у человеческих сообществ. Для этого и появляются представления о богоизбранных народах и «недочеловеках» – гоях, варварах, «немцах» и т. д.⁵² Христианизация обозначила путь попадания в «полноценные народы»: «Наряду с народами-гегемонами, такими, как франки, были и другие *gentes*, которые после христианизации, а то и до нее, тоже стали нациями (“гентильными первичными нациями”, в противоположность “вторичным супрагентильным”). И в тот момент, когда они были признаны представителями римско-христианских легитимирующих инстанций – императора в Константинополе, “верховного” короля, а затем и императора в Риме или папы римского, – они достигли того самого статуса, который не хотят признавать за ними судьи, глядящие из Нового времени. Они не были просто “этническими образованиями”: они рассматривали себя как нации, оберегаемые Всевышним и “их” святыми, исполненные чувства собственного достоинства»⁵³.

Именно эти средневековые королевства стали основой будущих наций. Как писала С. Рейнгольде, «связь между территорией королевства (*regnum*) и “народом” означала, что принадлежность к королевству в Средневековье всегда имела как политическое, так и культурное содержание. Это опровергает распространенное представление о том, что современный национализм – это просто поздняя политизация исключительно культурных или этнических чувств досовременной эпохи и что отличительной особенностью современных наций является их суверенность как массовых политических сообществ»⁵⁴.

Возникновение средневековых наций ученые связывают с распространением христианской церкви, объединением всех правоверных народов в «христианском мире» – Священной Римской империи. «В тот момент, когда англосаксонские, скандинавские и славянские народы, а также венгры были приняты в римско-христианскую ойкумену... они становились нациями». Суть была в том, что они признавались “Народами Божьими”. Короли, святители (епископы и настоятели монастырей), святые стали «духовными центрами “кристаллизации” своих народов (*gents*), оказавшись посредниками между народами и Богом. Этот порядок, которым успешно управлял римский папа, заложил для будущего основы национальных европейских королевств, на базе которых впоследствии будут вырастать нации англичан, французов, поляков, чехов, венгров и т. д. Церковь организационно всегда была поделена на территориальные объединения, образованные в том числе по этническому принципу, “национальные епархии”»⁵⁵. Все это способствовало оформлению национальных начал.

Таким образом, в Средневековье религиозная принадлежность могла выступать этническим маркером. Слова «греческая вера» и «православная вера» были синонимами. Как считает московский ученый М. В. Дмитриев, понятие «русский» было тождественно понятию «православный»⁵⁶. Византийцы считались «русскими» по вере, «греческая вера» была

⁵¹ Там же. С. 386.

⁵² Цит. по: Смит Э. Национализм и модернизм... С.331.

⁵³ Вернер К., Гицницер Ф., Козеллек Р, Шенеман Б. Народ, нация, национализм, масса. С. 462.

⁵⁴ Цит. по: Смит Э. Национализм и модернизм... С.323.

⁵⁵ Вернер К., Гицницер Ф., Козеллек Р, Шенеман Б. Народ, нация, национализм, масса. С. 380–382.

⁵⁶ Дмитриев М.В. Конфессиональный фактор в формировании представлений о «русском» в культуре Московской Руси // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое

«русской». С концепцией М. В. Дмитриева согласились далеко не все исследователи (все-таки православный татарин оказывался «выкрестом», «крещеным татаринном», но именно татаринном, т. е. этнографические различия оставались актуальными). Родство по православному веру русинов – жителей Великого княжества Литовского и Русского, и русских – жителей Российского царства, совершенно не способствовало возникновению у них чувства этнического родства. Напротив, они считали себя разными народами: жители Великого княжества Литовского думали, что русь, русины, русские – это они, а в Московской Руси живут москаль, москвиты, но не русские. Напротив, подданные российского государя считали русскими исключительно себя, а жители Великого княжества Литовского были для них «литвой дворовой». При этом до 1596 г., до Брестской унии, вера у них была одна – православная, но это не помогало. Хотя в более ярко выраженных ситуациях различия – скажем, столкновения православных с католиками, протестантами, иудеями – вера играла роль в том числе этнического маркера.

Другим фактором, который способствовал оформлению средневековых наций, было региональное право. Принятие законодательных кодексов, связанных с определенной территорией и политическими действиями живущей на ней элиты, часто носило этнический характер («Баварская правда», «Правда Русская», «Вестготская правда» и т. д.). В средневековом праве очень много значило понятие «происхождения», «права по рождению». Человека, имевшего особое этническое происхождение, могли судить «по его закону и вере». Знаменитые слова *Professio iuris* означали общепринятую формулу заявления, по праву какого народа, каких своих предков человек хочет быть судим. Слово *Natio* представляло собой «часть формулы, описывающей сословное происхождение человека»⁵⁷. Оно означало его происхождение не только сословное или этническое, но еще и региональное (по городу, местности – локальным сообществам). Все это говорит о формировании национальных идентичностей еще в Средневековье.

Бюрократия, язык власти, язык оформления всех жизненных актов от рождения и крещения до смерти и отпевания – все это тоже играло немаловажную роль. Неверным будет утверждение, что эти факторы начинают работать только в Новое время. И институты королевской и церковной власти, и юриспруденция, и бюрократия как факторы формирования домодерных национальных идентичностей указывают на политическую сферу в качестве источника этих идентичностей. По словам М. В. Дмитриева, «исходная констатация бесспорна: формирование сообществ, которые мы теперь называем средневековыми народностями (или этносами, или народами, или “протонациями”) было самым тесным образом связано с политической интеграцией или дезинтеграцией отдельных территорий, с эволюцией институтов власти и приемами ее легитимации. Этническая дифференциация (воображенная, изобретенная, сконструированная и “реальная”) рассматривается в теснейшей связи с процессами, механизмами и идеологиями политического строительства и социальной консолидации, и в изучении этих феноменов все большее значение имеет исследование культурных детерминант соответствующих институтов, процессов, идеологий, практик. Политическая интеграция и соответствующие политические процессы, роль власти в структурировании общества, способы легитимации власти в связи с этим анализируются с точки зрения истории культуры, понятой как наделение смыслом тех или иных институтов, действий, процессов... В центре анализа – то, как шла борьба за придание того или иного смысла общественным институтам, за интерпретацию наличных слов и понятий и за то, как регу-

время. М., 2008. С. 218–242.

⁵⁷ Вернер К., Гицницер Ф., Козеллек Р., Шенеман Б. Народ, нация, национализм, масса. С. 424.

лизовать и направлять развитие этих институтов через манипулирование приписанными им смыслами»⁵⁸.

Явный всплеск обращения к этнической, национальной проблематике происходит в эпоху Возрождения и Реформации. Именно к XVI в. некоторые ученые относят формирование «национальных чувств и наций». Это было связано, во-первых, с тем, что протестантизм и другие сходные конфессиональные течения (например, чешский гусизм) были тесно «завязаны» на национальные языки, национальную церковь и т. д. Например, перевод Библии на немецкий язык, сделанный в 1522 г. Мартином Лютером и Филиппом Меланхтоном, стал основой немецкого национального литературного языка.

Кроме того, благодаря Возрождению были актуализированы античные дискурсы, сыгравшие большую роль в формировании культуры домодерных наций. «И древние евреи, и греки, и римляне с их ультранационалистическим литературным наследием являются неотъемлемыми составляющими истории европейского национализма, как “домодерного”, так и “модерного”. Они во многих случаях поставляли ему понятия, модели, аргументы: короче говоря, они дали ему язык – например, для того, чтобы сформулировать притязания на статус первого народа, который стоит над всеми прочими и может их (с Божьей помощью) поработать, уничтожить или в любом случае презирать»³⁴.

Особенностью «домодерных наций» в этот период является то, что они формируются как «политические народы», представленные знатью, дворянским сословием. Именно дворянство, аристократия выступала как главная политическая, военная сила в обществе, наиболее образованный и культурный слой. На низшие сословия этнические и национальные дискурсы еще не распространялись, там преобладала локальная и религиозная идентичность. Собственно, в этом и заключается главное отличие домодерных наций от современных: в современных нациях представление о принадлежности к нации распространяется на все население, в домодерных – представление об этом имеет преимущественно элита.

Формирование дискурсов домодерной национальной идентичности проявлялось также в концептуализации в эпоху Возрождения мифа о происхождении народа, появлении различных этногенетических легенд. В этом состоит еще одно отличие домодерных наций – им также присущ национализм, только не политический, как в Новое время, а культурно-религиозный. Об этом точно сказал Дж. Хатчинсон: если для политических националистов главное – достижение и обеспечение суверенитета своего национального государства, то «культурные националисты считают государство второстепенным, ибо сущность нации – ее особая цивилизация, которая является продуктом ее уникальной истории, культуры и географического положения»⁵⁹. В Новое время культурный национализм развивался преимущественно у народов, которые входили в состав европейских империй и не имели практических перспектив скорого построения своих государств (чехи, венгры, хорваты в составе Австро-Венгерской империи, поляки в составе Российской империи, болгары и румыны в составе Турецкой империи и т. д.). Для их консолидации были важны общая историческая память, культурные национальные символы, что восходило как раз к Средневековью.

Концепции средневековых (домодерных) наций не имеют четкого оформления, они развивались скорее как альтернатива и критика модернистских концепций нации (на что указал Э. Смит). Вместе с тем их учить необходимо, поскольку они заполняют лакуну в тот исторический период, когда национализма, в современном понимании, и наций, ана-

⁵⁸ Дмитриев М.В. Проблематика исследовательского проекта «Confessiones et nationes. Конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М., 2008. С. 24.

⁵⁹ Цит. по: Смит Э. Национализм и модернизм... С.325.

логичных сегодняшним, явно еще не существовало, но какие-то общности были. Какие – ответ на этот вопрос и пытается дать концепция домодерных наций.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение этноса.
2. В чем заключается дуалистическая концепция этноса?
3. Опишите структуру этноса.
4. Дайте характеристику теориям, трактующим этнос как биологический организм.
5. Раскройте роль языка в развитии этноса.
6. Покажите различия подходов примордиалистов и конструктивистов к проблеме этногенеза.
7. В чем сущность дискуссии о существовании домодерных наций?

Глава 3

Современные представления о понятии нации

§ 1. Происхождение термина «нация»

Слово *нация* происходит от латинского слова *natio* – племя, народ. Его этимология связана с глаголом *nascor* – рождаться. Первоначально этим термином в Древнем Риме обозначали группы пришлого населения, «не римлян», объединенных общим происхождением из одной земли, региона. *Natio* и другой термин – *gens* отличались от *populus romanus* – римского «народа властвующего».

В дальнейшем, в поздней Античности и Средневековье, данное слово применялось для обозначения общностей, для которых было важно обозначить единство происхождения, в том числе и территориального, этнического. Например, с XIII в. в средневековых университетах были такие «землячества» студентов, которые так и назывались: «нация Франции», «нация Германии», «нация Севера» и т. д. В XIII–XV вв. подобные «землячества»-нации присутствуют и на церковных соборах.

В XV в. мы все чаще фиксируем употребление термина «нация» как обозначение территориальных общностей в регионах, причем он все четче увязывается с этнической принадлежностью населения, проживающего в данной местности. Стоит отметить, что при этом отнюдь не имелось в виду все население данной территории: речь шла только о знати, духовенстве, интеллектуальных кругах (таких, как студенчество) и т. д. Простолюдины «нации» не имели и членами данного сообщества быть не могли.

В конце XV–XVI вв. в понимании термина «нация» намечаются существенные сдвиги: его начинают прочитывать как синоним латинского *populus* – «народ», население данной территории, термин приобретает четкое этническое звучание. С 1433 г. известно выражение «немецкая земля и нация»⁶⁰. Считается, что процесс «этнизации» термина «нация» наиболее интенсивно шел в XVI в. в Англии, в XVII в. постепенно распространился по Европе и в XVIII в. окончательно оформился в теориях французских просветителей. Д. Дидро определял «нацию» как значительное количество людей, живущих на определенной территории и управляющихся одним правительством.

С этого момента термин «нация» все больше сближается не просто с обозначением населения данной территории, но с определением государства, страны, населенной этнически однородным населением. Слово «нация» используется, когда говорится о суверенитете народа, его праве на самоопределение, политических устремлениях. «Нация» во второй половине XVIII–XIX в. становится синонимом термина «народ», употребляемом в духе просветителей – народ как политический субъект, цель которого – борьба за свои права, свободу, суверенитет. При этом «государственное» значение слова превалировало над «этническим», поскольку идея нации четко увязывалась с идеей суверенного государства. В нацию могли быть объединены разные этносы и этнокультурные группы (как это и происходило при образовании германской, французской, английской наций и т. д.). По словам Э.Хосбаума, который считал нации исключительно явлением Нового времени, возникновение наций прямо связано с возникновением национального государства: «Нации существуют не только в качестве функции территориального государства особого типа (в самом общем смысле – граж-

⁶⁰ Вернер К., Гиццигер Ф., Козеллек Р, Шенеман Б. Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических терминов и понятий. Т. 2. М., 2014. С. 448.

данского государства Французской революции) или стремления к образованию такого; они обусловлены и вполне определенным этапом экономического и технического развития»⁶¹.

Для тех народов, которые не имели своей государственности, но к ней стремились (народы, объединенные в рамках империй) идея достижения суверенитета нации как способа образования своего, национального государства стала «путеводной звездой». По словам Э.Хосбаума, «уравнение нация = государство = народ (а тем более суверенный народ), несомненно, связывало нацию с определенной территорией, поскольку структура и понятие государства стали теперь по существу территориальными. Оно также предполагало многочисленность подобных наций-государств, что, разумеется, было необходимым следствием принципа народного самоопределения. Как гласила французская Декларация прав 1795 года, каждый народ, из какого бы числа членов он ни состоял и на какой бы территории ни жил, является независимым и суверенным. Этот суверенитет неотчуждаем»⁶².

Поскольку в политическом плане реализация национальной идеи была связана с понятными трудностями, империи вовсе не разделяли подобных устремлений малых народов, и на первый план для поработанных народов, желающих стать нациями со своими национальными государствами, выходит идея культурного и языкового развития. Недаром XVIII–XIX вв. – это эпоха становления национальных литературных языков, национальных стилей в искусстве, национального просвещения и т. д.

В XIX–XX вв. исторические процессы продемонстрировали огромную роль национального самосознания, духовных процессов, что позволило говорить о «духе нации». События второй половины XX в. (распад колониальной системы в Африке и Азии) и конца XX – начала XXI в. (распад СССР и войны на Балканах и постсоветском пространстве) продемонстрировали возможности конструирования наций, манипулирования национальными элитами, колоссальную роль современных СМИ и информационных систем в нациестроительстве, что укрепило понимание нации как духовного конструкта, «воображаемого сообщества» (определение Б. Андерсона).

⁶¹ Хосбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 20.

⁶² Цит. по: Там же. С. 33.

§ 2. Отличия нации от этноса и этнических групп

В науке понятия этноса и нации, их соотношение остаются предметом дискуссий. В то же время можно назвать несколько несомненных отличий нации от этноса.

Первое – *нация полиэтнична*. Она может быть этнически однородной, но может складываться на базе большого количества этносов, которых свела вместе историческая судьба. Полиэтничны, например, швейцарская, французская, германская, американская нации.

Второе – *нация не обязательно должна иметь свой, уникальный язык*. В Швейцарии единая нация пользуется четырьмя языками: немецким (65 % населения), французским (18,4 %), итальянским (9,8 %) и ретороманским (0,8 %). В Германии существует множество местных диалектов, сильно отличающихся от нормативного немецкого языка. Язык, отличая англичан от французов, не отделяет их от американцев, англоканадцев, англоавстралийцев, англоновозеландцев. Отличая испанцев, скажем, от шведов, язык не отграничивает их от мексиканцев, кубинцев, чилийцев, аргентинцев. На немецком языке говорят не только немцы, но также австрийцы и германо-швейцарцы. На французском языке, кроме французов, говорят валлоны, франкошвейцарцы и франкоканадцы. Нет американского языка, но существуют американская культура и нация.

Третье – *нацию отличает от этноса неразрывная связь с государством*. Нация либо имеет свое государство, либо мечтает о нем и ведет национально-освободительную борьбу, чтобы его обрести. Поэтому большинство ученых считает нации явлением Нового времени и связывает их возникновение со строительством европейских национальных государств.

Четвертое – *нация возникает, когда понятие этнического приобретает политический смысл*: государственный, патриотический, национально-освободительный, избирательный и т. д. С нацией отождествляется понятие «народ», политизирующее повседневную жизнь («воля народа», «судьба народа», «борьба народа» и т. д.). Этот народ обозначается не только как социальная, но как этническая общность, «нация», во имя которой можно сражаться и умирать. При этом нация нередко выступает «воображаемым порядком»⁶³, лозунгом скорее будущего, чем реализованного настоящего («во имя нации» = «во имя будущего»). Этнос же – категория, характеризующая скорее порядки повседневной жизни, культуры, обычаев и т. д.

Пятое – *для наций характерно наличие национализма*. Под ним обычно понимается стремление нации к своему суверенитету, охрана и развитие национальных черт в мягком, либеральном варианте (культурный национализм), радикальном (политический национализм) или экстремистском (нацизм, фашизм). Для этноса такой накал этнических страстей просто невозможен. Этнос, безусловно, защищает и развивает свои обычаи и культуру, но это не выливается в политический национализм.

Э.Хосбаум пишет о трех критериях, которыми мыслители руководствовались в модерную эпоху зарождения наций для их выделения из других общностей: «Первый критерий – историческая связь народа с современным государством или с государством, имевшим довольно продолжительное и недавнее существование в прошлом... Вторым критерием было существование давно и прочно утвердившейся культурной элиты, обладающей письменным национальным языком – литературным и административным... Третьим критерием – к несчастью, приходится сказать и об этом – являлась уже доказанная на практике способность к завоеваниям. Фридрих Лист прекрасно понимал: быть имперским народом – вот что лучше всего остального заставляет население осознать свое коллективное единство как таковое. Кроме того, завоевание представляло собой для XIX века доказательство успеш-

⁶³ Вернер К., Гицницер Ф., Козеллек Р., Шенеман Б. Народ, нация, национализм, масса. С. 335.

ной эволюции данного социального вида»⁵. Понятно, что для этнических сообществ эпохи Средневековья эти критерии не работают, речь идет именно о нациях Нового времени.

§ 3. Концепции нации в научной литературе

Г. Касьянов очень точно сказал о термине «нация», что «само слово иногда имеет вид “понятийного хамелеона”, который меняет цвет в зависимости от внешних условий. Любой исследователь... сталкивается с терминологическим разнообразием, нередко просто с хаосом, и главной проблемой для него становится проблема выбора дефиниции, которая соответствует его концептуальному подходу к проблеме» (перевод мой. – А. Ф.)⁶⁴. У. Бейджхот высказался на этот счет еще более саркастично: «До тех пор, пока нас о ней (нации. – А. Ф.) не спрашивают, мы понимаем, что это такое, но тотчас же это объяснить или определить мы не в состоянии»⁶⁵.

Многочисленные определения нации, содержащиеся в словарях и в высказываниях ученых и деятелей культуры, ясности не прибавляют:

Нация – совокупность индивидов, связанных сознанием своего единства, главными факторами которого являются: общность происхождения, общность языка, религии, быта, нравов и обычаев и наконец исторического прошлого.

Ф.Павленков (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1907).

Нация – народ, вообще люди, говорящие одним языком, связанные общностью происхождения и историческими традициями, а также племенным единством.

А. Н. Чудинов (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910).

Нация – историческая общность людей, складывающаяся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, некоторых особенностей культуры и характера.

С. Т. Калтахчян (Философский энциклопедический словарь. М., 1983).

Нация представляет собой исторически сложившуюся, устойчивую общность языка, территории, экономической жизни и духовного склада, проявившуюся в общности культуры.

И. В. Сталин, «Марксизм и национальный вопрос» (Сталин И. В. Сочинения. Т.2. М., 1946. С. 296–297).

Нация – группа индивидуумов, которая ощущает себя одним существом, готова, до определенных пределов, пожертвовать индивидуальностью для блага группы, которая процветает как единое существо, которая испытывает определенные эмоции как единое существо, в то время как каждый член этой группы радуется достижениям и печалится о потерях этой группы... Национальность – это ментальное состояние или общность в поведении.

Американский психолог В.Пильсбурри, «Психология национализма и интернационализма» (Pillsbury W. The Psychology of Nationality and Internationalism. New York, 1919. P.5).

⁶⁴ Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму Київ, 1999. С. 24.

⁶⁵ Цит. по: Хосбаум Э. Нации и национализм... С. 5.

Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности.

Русский философ В. С. Соловьев, «Русская идея» (Соловьев В. С. Смысл любви: избранные произведения. М., 1991. С 44–45).

Нация есть сообщество людей, которых объединяют иллюзии об общих предках и общая ненависть к соседям.

Американский писатель УИндж (цит. по: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/296>)

Нация – это ежедневный плебисцит.

Французский писатель Э. Ренан, «Что такое нация?» (Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах. Перевод с французского под редакцией В. Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 90–91).

Нация – это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное.

Английский историк Б. Андерсон, «Воображаемые сообщества» (Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 30).

Связь этноса и нации просматривается в этнологической концепции нации. В ней нация понимается как большая, политизированная этническая группа с общей культурой и историческим наследием. Один из сторонников этой концепции Э. Смит так определял признаки нации:

- 1) система представлений «мы – они», проявляющаяся в культурных установках;
- 2) существование «своей территории» как исторической родины;
- 3) существование имеющей исторические традиции системы отношений с другими странами и нациями, при этом понимается четкое различие между «нами» и «ими»;
- 4) существование единой системы ценностей и духовного единства нации, обусловленного общей культурой;
- 5) институт гражданства способствует социальному и политическому единству нации.

Э.Смит считал, что нацию делает нацией именно последний пункт – обретение политического единства. Без политического значения перед нами еще этнические группы, но когда люди объединяются ради политики, они становятся нацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.